

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОСТЫ ДОСТОЕВСКОГО

Петербург Достоевского... Что представляем мы себе при этом? Дома, где жил Федор Михайлович? «Белые ночи», увековеченные М. В. Добужинским? Сенную площадь, дворы-колодцы или каморку-похожую на шкаф или гроб? Безусловно, это и квартиры, где жил и творил писатель, и улицы, по которым он ходил (помните, у Маршака: «а по Разъезжей бродит Достоевский?»), это и те места в городе, где разыгрывались трагические действия. В отличие от парадного пушкинского Петербурга или города окраин Блока, Петербург Достоевского — это срединные улицы: район Пяти углов, Сенной площади, Васильевского острова; это набережные Фонтанки, Екатерининского — канала Грибоедова. Это — мосты. И те, у которых поселялся Достоевский, и те, на которых останавливались его герои.

Приехал Федор Достоевский в Петербург в 1837 г. и поселился в гостинице у Обухова моста. Годы его учения прошли в Инженерном училище у Пантелеймоновского моста. Арестован он был в доме Шилина на углу М. Морской и Вознесенского проспекта, откуда открывался вид на Синий мост — Марииинскую площадь (ныне часть Исаакиевской).

Не раз уже поменяли свои названия улицы, площади, а Московский проспект менял свое название семь раз! Мосты же, как правило, сохраняют свои названия, разве что поменялись названия самых главных — через Неву: Лейтенанта Шмидта, Кировский, Литейный, Большеохтинский... Мосты поменьше в большинстве своем сохранили названия. Одно из немногих исключений — мост Пестеля — Пантелеймоновский. Вне бегущего времени, вне суеты событий мосты хранят в своих названиях память о прилегающих набережных, улицах, церквях (последних может уже и не быть, а мост помнит!). На месте церкви Вознесения Христова школа, Вознесенский проспект — проспект Майорова (ныне опять Вознесенский), а мост по-прежнему Вознесенский, как и во времена Достоевского.

Какую же роль играют мосты в его Петербурге? Прежде всего — это ориентир. Ведь Петербург Достоевского конкретен, описан с точностью до номера квартиры, но если попытаться пойти по следам героев его произведений, то мы увидим, как автор не только зашифровывает улицы, мосты, сокращая или опуская их названия, но и запутывает следы — ищи! — сдвигая романый Петербург относительно реального. При таком смещении именно мосты позволяют читателю сориентироваться и-подчас «расшифровать», уточнить место действия. Так, герой «Белых ночей» живет «в отдаленнейшей части города» «у -ского моста» (2, 105, 138). Значит, он возвращается домой от заставы у Старо-Калинкина моста Старо-Никольским через Крюков канал в месте пересечения с Екатерининским каналом, и его знакомство с Настенькой происходит у Ново-Никольского моста.¹ Наташа Ихменева в «Униженных и оскорбленных» живет «у Семеновского моста, в гряз-

¹ Раков Ю. Где жил мечтатель? // Лит. Россия. 1987. 26 июня.

ном „капитальном” доме купца Колотушкина» (3, 224). Этот адрес абсолютно реален, но и здесь происходит некоторый сдвиг: дом купца Колотушкина, который хорошо знал Достоевский, находится ближе к Обуховскому мосту. Голядкин — герой «Двойника» — едет на обед к Кларе Олсуфьевне, которая живет у Измайловского моста. Миновав Семеновский мост, он поворачивает к трактиру. Возвращаясь домой, переходит Аничков мост. В романе «Подросток» у Семеновского моста живет Васин, а главный герой — Аркадий — близ Вознесенского моста. В «Преступлении и наказании» у Тучкова моста живут Разумихин — приятель Раскольникова и невеста Свидригайлова. Нетрудно заметить, что Петербург Достоевского привязан к рекам и каналам. Голядкин встречается сам со своим двойником на Фонтанке, Мечтатель с Настенькой беседует на набережной Екатерининского канала, Наташа с Ваней выходят на набережную Невы (когда она от родителей совсем ушла), а поселившись на Фонтанке, она выставляет свечу на окно, и по этому необыкновенному свету Ваня еще издали видит, что ей нужна его помощь. Окно Сони Мармеладовой выходит на «канаву», как в романе «Преступление и наказание» именуется Екатерининский канал; здесь же — на канале — и дом старухи процентщицы, и Казанская часть, где Порфирий Петрович беседует с Раскольниковым, и контора, куда он приходит с признанием.

Вспомним, что Петр I, строя столицу среди болот и лесов, хотел видеть западноевропейский город наподобие Амстердама или Венеции, а лодки должны были стать главным средством сообщения в городе. Юный Достоевский, покинув патриархальную Москву, увидел, как «мосты повисли над водами» и как «померкла старая Москва». В «Петербургской летописи» он напишет: «И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он еще создается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом» (18, 26).

В раннем творчестве Достоевского мосты еще городская религия, ориентир, принадлежность рек и каналов: «Судоходный канал Фонтанка! Барок такая бездна, что не понимаешь, где все это могло поместиться. На мостах сидят бабы с мокрыми пряниками да с гнилыми блоками, и все такие грязные, мокрые бабы. Скучно по Фонтанке гулять!» — говорит герой «Бедных людей» Макар Девушкин (1, 85). Но уже Голядкин в истощении сил «пристально стал смотреть на мутную, черную воду Фонтанки» (1, 139), опершись о перила набережной. По мере же того как Мечтатель, не находя воплощения своим мечтам, сосредоточивается на одной неподвижной идее, мосты оказываются ему необходимыми. Мосты как места возвращения к себе, к своей сути. Ибо мосты — над и вне. Над — бессмысленной и ненормальной жизнью, которая отражается в грязной, мутной воде. Вне — того рока событий, который подхватывает и несет героев Достоевского. В каморке, похожей на шкаф или гроб, Раскольников лежит, думает, терзается видениями, а, выйдя, на улице тоже задумывается, и его думы только усиливаются уличными впечатлениями, надрывающими душу. На мосту он останавливается, приходит в себя. Дома держат, улицы несут, мосты дают остановиться, оглянуться.

Неприкаянная маленькая Нелли («Униженные и оскорбленные») останавливается на мосту просить милостыню. Здесь она «у себя». Потому что мама, умирая, наказывала быть гордой, не ходить к князю-отцу, а лучше милостыню просить, ведь она у всех просит. И Нелли не может принять помощь ни у кого конкретно: ни у Вани, ни у доктора даже — ложку лекарства принять. Но принять подаяние для нее — унижение паче гордости.

В романе Нелли дважды останавливается на мосту. Ваня застаёт ее «на В—м мосту» (3, 385). Из контекста явствует, что это Вознесенский мост. Ваня наблюдает за ней минут десять; наконец она, просившая, очевидно, с утра и набравшая довольно денег, заходит в лавку, чтобы купить чашку взамен разбитой. Еще один мост упоминается в рассказе Нелли о своем прошлом: «...и когда мамаша заснула, пошла на улицу, к дедушкиной квартире, и, не доходя, стала на мосту» (3, 417). Поскольку к этому времени Смит уже переехал в дом Клугена в Глухом переулке, а Нелли с матерью жили уже не на Мещанской, а на Шестой линии, то девочка, идя с Васильевского, могла остановиться возле часовни на Николаевском мосту.

В романе «Преступление и наказание» неоднократно упоминаются разные мосты.

«А куда ж я иду?» (6, 43) — спрашивает себя Раскольников и, сообразив, что идет к Разумихину, своему приятелю, на Васильевский, решает перенести свой визит к нему на другой день: «...после того пойду, когда уже *то* будет кончено и когда все по-новому пойдет...» (6, 45). Пройдя весь Васильевский остров, он выходит на Малую Неву, переходит мост и поворачивает на Острова. Очевидно, что путь Раскольникова лежит через Тучков мост и в описании обратного пути возникает название этого моста, хотя и сокращенно: Т—в мост. Уснув в кустах на Петровском острове, Раскольников видел такой сон, после которого убийство кажется ему невыносимым. Освобождение от своей неподвижной идеи он ощущает на мосту: «Проходя чрез мост, он тихо и спокойно смотрел на Неву, на яркий закат яркого, красного солнца. (...) Точно нарыв на сердце его, нарывающий весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» (6, 50).

Но вот уже после убийства он собирается на Острова, чтобы спрятать где-нибудь под кустом награбленное, но прячет по дороге во дворе дома по Вознесенскому — под камнем и тем не менее оказывается на набережной Малой Невы, на Васильевском острове, возле моста, где и живет Разумихин. После визита Раскольников очутился только на Николаевском мосту. Огретый кнутом, едва не попавший под лошадь, он отскакивает к перилам, скрежещет зубами под смех прохожих, и тут ему в руку суют двугривенный, ему, убившему и ограбившему, подадут милостыню. И сделав несколько шагов, он останавливается недалеко от часовни и, как прежде, перед ним открывается панорама Невы. Всякий раз, возвращаясь домой из университета, он останавливался как раз на этом месте и дивился своему впечатлению: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немим и глухим полна была для него эта пышная картина...» (6, 90). Расколни-

ков соотносит себя нынешнего с собой прежним, пытается идентифицировать, но все прошлое: и эта панорама, и он сам — кажутся ему «в какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами» (Там же), и, как бы отрезая себя от всего и всех, он бросает монету в воду.

Но, бросив монету, он вновь возвращается к воде под мостом, к себе. И это объяснение с собой на мосту происходит тоже после встречи с Разумихиным, только случайной, в трактире, и мост другой — Вознесенский, поскольку трактир под названием «Хрустальный дворец» находился в начале Обуховского (ныне Московского) проспекта, а дойдя до Садовой, Раскольников повернул за угол. Он «прошел прямо на —ский мост, стал на середине, у перил, облокотился на них обоими локтями и принялся глядеть вдоль» (6, 131). Машинально он смотрел на последний отблеск заката, ряд домов в сумерках, блиставшее от солнечного луча окошко по левой набережной и со вниманием всматривался в воду. Его сознание не выдерживает обыденного вида домов вдоль канала. От обморока его удерживает лишь неожиданное, из ряда вон выходящее впечатление. Остановившаяся было рядом с ним женщина внезапно перемахнула через перила и погрузилась в воду. Она осуществила ту мысль, которую заподозрил в Раскольникове Разумихин: «Пожалуй, утопится...» (Там же). И тут, увидев утопленницу, Раскольников отбрасывает от себя эту мысль: «Нет, гадко... вода... не стоит...» (6, 132). Другая мысль возникает в его сознании: пойти в контору, признаться. Возникает потребность вернуться к себе, найти в себе себя прежнего, истинного. И чтобы этот сдвиг в сознании произошел, Раскольников должен был оказаться на мосту, т. е. НАД и ВНЕ.

В очередной раз Раскольников оказывается на мосту после встречи в трактире со Свидригайловым. На этот раз, очевидно, имеется в виду Кокушкин мост близ Сенной. «По обыкновению своему, он, оставшись один, с двадцати шагов впал в глубокую задумчивость. Взойдя на мост, он остановился у перил и стал смотреть на воду. А между тем над ним стояла Авдотья Романовна» (6, 374). Он ее не замечал. Она была испугана. Эта последняя остановка на мосту привела к развязке. Проведя ночь один, близ Невы, и не решившись покончить все разом, Раскольников вечером того же дня приходит к матери, дома ожидавшей его Дуне сообщая, что решил «предать себя» — признаться. А у Сони из ее рук принимает крест и отправляется в контору по набережной, но, дойдя до моста, вдруг поворачивает на мост, чтобы на Сенной поцеловать землю, которую осквернил. Но на этот раз, проходя по мосту, он задавался только одним вопросом: что же он будет ощущать, когда его повезут через этот мост в арестантской карете. На этот раз он заглядывал в будущее. Возвращаясь к себе бывшему, он оказывался в будущем.

Для Свидригайлова возвращение к себе равносильно «путешествию в Америку». После свидания с Дуней он заходит к Соне, затем к своей невесте, что жила «на Васильевском острове, в Третьей линии, на Малом проспекте» (6, 385). А ровно в полночь он переходит через Тучков мост, как нетрудно догадаться, — на Петербургскую сторону. «Дождь перестал, но шумел ветер. Он начинал дрожать и одну минуту с каким-то особенным любопытством и даже с вопросом посмотрел на черную воду Малой Невы. Но скоро ему показалось очень холодно

В. А. ВИКТОРОВИЧ

1. «Г-Н —БОВ И ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ»

Указанная статья — программное выступление Достоевского, выражение его эстетического кредо. Он полемизирует сразу с обоими основными направлениями современной критики искусства: «эстетическим» и «утилитарным». Замечателен сам характер полемики. Так, споря с Добролюбовым, Достоевский одновременно усваивал все то ценное, что было у противника.¹ Те же принципы и методы ведения литературной борьбы Достоевский применил и в отношении к «эстетикам»: оспорив их некоторую надмирность и самоуспокоенность, он в то же время прекрасно усвоил все ценное, что вносила так называемая теория искусства для искусства в русскую эстетику — традиции кантовского понимания «бесполезности—полезности» красоты.

В статье Достоевского есть отчетливые следы чтения А. В. Дружинина и В. П. Боткина, не отмеченные еще комментаторами и исследователями. Приведем лишь некоторые, наиболее значимые для формирования эстетической концепции писателя.

А. В. Дружинин. «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (Библиотека для чтения. 1856. № 11).

«...Гомер есть учитель всего рода человеческого, Александр Македонский возил „Илиаду“ во все свои походы, и через тысячу лет великие люди следующего тысячелетия станут плакать над „Илиадою“, учиться из „Илиады“».

Гомер не учит нас ничему — а чему нельзя выучиться из Гомера? (...) О женщине, о значении женщины, об отношениях мужа

Ф. М. Достоевский. «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (Время. 1861. № 2).

«...как, например, вы определите, вымеряете и взвесите, какую пользу принесла всему человечеству „Илиада“? Где, когда, в каких случаях она была полезна, чем, наконец, какое именно влияние она имела на такие-то народы, в такой-то момент их развития (...) Правда, красота всегда полезна (...) а ну-ка, если „Илиада“ полезнее сочинений Марка Вовчка, да не только прежде,

¹ Об этом нам уже приходилось писать, см.: *Викторович В. А.* Добролюбов и Достоевский: диалог о русской литературе // Добролюбов и русская критика. М., 1988. Заметим к слову, что данная статья с некоторыми сокращениями была перепечатана почему-то под другой фамилией: *Бозоров Р. Дж.* Диалог о русской литературе: Добролюбов и Достоевский // Писатели как критики. Душанбе, 1990.

стоять над водой; он повернулся и пошел на —ой проспект» (6, 388). Как видно, не получив иного ответа, кроме того, который уже знал, он продолжил свое путешествие «по бесконечному —ому проспекту» (Там же), т. е. Большому, в конце его, однако, он находит гостиницу, в которой и проводит последнюю ночь. Под шум ветра он вспоминает и о Тучковом мосте, и о Малой Неве, и ему становится холодно, как если бы он вновь стоял над водой. Никогда не любивший воды, он прощается с жизнью с подъемом воды в Неве. Пушечный выстрел он слышит в яви, в три часа ночи, за час до рассвета, проснувшись после сна о девочке-утопленнице. Собравшись, он готов выйти, но должен расплатиться (за номер); не найдя никого в длинном и узком коридоре, он натывается, однако, на девочку, дрожавшую, плакавшую, разбившую чашку и спрятавшуюся здесь. Он приносит ее в номер, укладывает в постель, но тут явь переходит в кошмар, и он вновь просыпается часу в пятом. Реальность и кошмар петербургский смыкаются в сознании Свидригайлова. Петербург — это «город полусумасшедших. (...) Чего стоят одни климатические влияния!» (6, 357), — как говорил Свидригайлов Раскольникову. Да и реален ли вообще подъем воды в Неве среди жаркого лета, когда разворачивается действие романа? Не фантазия ли это автора или не воображение ли это Свидригайлова? Ан нет, единственный раз за всю историю города вода поднималась летом 1865 г., т. е. когда Достоевский и начал работу над романом. Что может быть фантастичнее самой действительности, поистине. Особенно в «самом умышленном городе на свете», где находят дорогу к себе, останавливаясь на мостах. Для Свидригайлова возвращение к себе, обозначенное как «путешествие в Америку», как «вояж», означает прощание с жизнью реальной и переход в другой мир. А соприкосновений с другим миром тем больше, полагает он, чем более болен человек. Привидения для Свидригайлова — клочки и обрывки других миров, их начало. Но почему он камуфлирует уход из жизни под путешествие в Америку? Да потому, что за границей ему всегда тошно бывало и как-то грустно, на родине же «во всем других винишь, а себя оправдываешь» (6, 218). Возвращаясь к себе, Свидригайлов не может более оправдывать себя.

«...в качестве русского совсем не стоит жить» (13, 135), — решает для себя Крафт. И в диалоге между ним и Аркадием — Подростком — возникает та же «общая точка», что и между Родионом Романовичем и Аркадием Ивановичем:

«— К себе, к себе! Все порвать и уйти к себе!

— В Америку?

— В Америку! К себе, к одному себе! Вот в чем вся „моя идея“. Крафт! (...)

— А у вас есть это место: „к себе“?» (13, 60), — спрашивает Крафт и вечером того же дня, в сумерки, не зажигая свечи, осуществляет свое решение. Как и Свидригайлов, он отправляется «в Америку» вблизи Большого проспекта на Петербургской стороне. В тот вечер было сухо, но поднялся скверный петербургский ветер, взвевавший пыль и песок. Аркадий, для которого «уйти к себе» означало стать Ротшильдом, револьвер прятал бы от себя под замок. А подробности о Крафте он узнает у Васина — на Фонтанке у Семеновского моста...